

## Лекция

© М. Б. МИРСКИЙ, 2000

УДК 614.2:93

*Проф. М. Б. Мирский*

### МЕДИЦИНА РОССИЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. ЧАСТЬ 3

НИИ социальной гигиены, экономики и управления здравоохранением им. Н. А. Семашко РАМН, Москва

Как же лечили древнерусские врачи? Каков был у них, выражаясь современным языком, объем оказываемой медицинской помощи? Входила ли туда хирургия?

Несомненно, что в соответствии с уровнем медицины того времени древнерусские врачи занимались главным образом терапией, широко используя в качестве лекарственных средств и отечественную флору, и привозные лекарства.

К терапии следует отнести и широко практиковавшееся лечение в банях. Бани исстари занимали большое место в народной жизни как одно из средств сохранения здоровья. Еще в "Повести временных лет" древнерусский историк, повествуя о путешествии апостола Андрея по "Словенской земле", писал: "Видех бани древены, и пережгут с рамяно, и совлокуися, и будут нази, и облекуся квасом усняным, и возьмут на ся прутье младое, и быют ся сами, и того ся добьют, едва слезут се живи, и облекуся водою студеною, и тако ожиуть. И то творять по вся дни"<sup>1</sup>. Естественно, что банным лечением широко пользовались и средневековые терапевты — представители основной медицинской специальности.

Основной, но отнюдь не единственной. Можно с уверенностью утверждать, что в древнерусском государстве существовала и хирургия: специалисты-хирурги занимались оперативным лечением, оказывали помощь при различных ранениях и травмах, при заболеваниях, считавшихся тогда хирургическими.

Древнерусским лекарям приходилось сталкиваться с самыми различными болезнями, требовавшими хирургического лечения. Историк медицины Н. А. Богоявленский, специально изучавший древнерусское врачевание, считал, что это были ра-

нения, переломы, вывихи, "расшибение с коней", "притрение возом", "хапление" (растерзание) зверем, "убиение скотом", "подавление кусом", "ожары" (ожоги), "камчюг" (мочепузырные камни), "гвор", "пузырь", "кила" (паховомошоночная грыжа), "недуг, егда в очи власы врастають" (трихиаз), "червивая бо-лесть", пролежни после "огневицы" (сыпного тифа), "томление женок при родах", "болезни зубом и скороньи" (челюстей), "кравые кусы мяса во афендроне" (геморроидальные шишки), "гагрена удов" как результат питания бедного населения зараженным спорыньей хлебом и пр.<sup>2</sup>. Конечно, самым частым были различные повреждения, боевые травмы, раны.

Лечением всей этой, говоря по-современному, хирургической патологии занимались и лечы — тогдашние врачи общей практики, и специалисты-хирурги — в Древнерусском государстве их называли резалниками, рукоделниками, врачами рукодельными. Впрочем, процесс дифференциации врачебных специальностей шел уже тогда, о чем свидетельствует существование узких специалистов — зубоволоков (зубных врачей), кровопусков и рудометов (они "пускали кровь"), затем кильных мастеров (они лечили грыжи), очных, чечуйных (они занимались геморроем) и др.

О существовании хирургической помощи в Древней Руси свидетельствует "Правда Русская" — свод законов, относящийся к XI веку, ко времени Ярослава Владимировича: впрочем, как указывалось в ней, эта книга "не есть сочинение тогдашнего времени, но за несколько веков до Ярослава существовавшая, и

<sup>1</sup>Повесть временных лет. — М.—Л., 1950. — Ч. 1. — С. 12.

<sup>2</sup>Богоявленский Н. А. // Вестн. хир. — 1958. — № 7. — С. 132—133.

только оным великим Князем в некоторых статьях исправленная<sup>3</sup>.

Так вот, в параграфе XIII "О мече" было сказано ясно и недвусмысленно: "Кто кого поранит мечом, но несмертельно, с такового взыскать в казну пени три гривны, а уязвленному, на излечение раны (выделено нами — М. М.) — гривну"<sup>4</sup>. Понятно, что "излечение раны" проводил профессионал, получавший за это определенный гонорар, вероятно, не менее гривны, что по тем временам составляло немалую сумму.

Вот как об этом же говорит так называемый Карамзинский список "Русской Правды": "Аще оударит мечем, а не потнеть на смерть, то три гривны продажи, а самому гривна за рану, оже лечебно есть"<sup>5</sup>. А вот то же самое, но по так называемому академическому списку: "Оже ли себе не можеть мьстити, то взяти емоу за обиду 3 гривне, а летцо мзда"<sup>6</sup>. А вот как толкует это так называемый Троицкий список: "Аже оударит мечем, а не оутнеть на смерть, то 3 гривны, а самому гривна, за рану же лечебно"<sup>7</sup>. Наконец, в летописи, в "Уставе великого князя Ярослава Владимировича о судех. Правда Русьская" сказано так: "Оже ударит мечем, а не потнет на смерть, то 3 гривны продажи, а самому гривна за рану, оже лечебно"<sup>8</sup>.

Кстати, о более или менее адекватном возмещении расходов, связанных с лечением ранений, шла речь в ряде документов, вносивших регламентацию в управление и судопроизводство средневековой России. Так, анализируя Уставные грамоты XIV—XVI веков, определявшие порядок местного государственного управления, историк Н. П. Загоскин выяснил, что в Двинской грамоте, относящейся к 1398 г., времени княжения в Москве Василия Дмитриевича, содержалась статья "Нанесение ран кровавых и синих", в которой говорилось: "а за кровавую рану тридцать бел, а за синюю рану пятнадцать бел, а вина противу того"<sup>9</sup>. Понятно, что деньги эти шли на лечение. Аналогичные статьи были и в западнорусских уставных грамотах и других литовско-русских законодательных памятниках.

Еще в одной старинной рукописи "Изборнике Святослава" (XI век) указывается, что врач должен уметь оказывать хирургическую помощь: уметь разрезать кожу, ампутировать конечности (делать "орезание удное"), прижигать раны, бороться с нагноением.

Хирургическую операцию перенес, в частности, сам Святослав — у него была опухоль (по всей видимости, гранулема). Однако операция эта оказалась безуспешной, князь умер: как сказано в летописи, "преставися Святослав от резанья желве"<sup>10</sup>. Это подтверждает и еще один источник. В Никоновской летописи сказано, что "в лето 6584 (т. е. в 1076 г. — М. М.)... преставился Святослав, сын Ярославль, месяца декабря в 27 (день), от отрезания желвей"<sup>11</sup>.

Резалники при своих манипуляциях использовали различные инструменты, чаще всего это были "ножь врачевский" и "бричь" (бритва). По мнению Н. А. Богоявленского, изыщные топорки, рисунки которых так обычны в книжных орнаментах древнего Новгорода, представляли иногда соединение обушкового снаряда с копьем на конце топорика: они служили для рассечения и прокола "мозолей" — к ним тогда относили и чумные бубоны, и сибиреязвенные карбункулы. Было еще "кроило" — массивный нож, которым "раскромивались" твердые и "надутые апостемы" (подкожные нарывы). Использовали резалники и некоторые из плотничьих инструментов, например, "пилу", "свердло", "тесле", которое имело вид удлиненного долота. Были в употреблении также "шипцы", "иглы", "лопасти" (шпатели), ложечки, шупы, пинцеты, клещи. Обилием названий и форм отличался и набор кровопуска: "прогон", "стрек", "высекало", "ражнь", "гвоздие", "шило", "бодець", "аргалие" или "железьце кровопустьное"; последнее ковалось кузнецами в виде острого пружинящего молоточка, приводившегося в действие щелчком рудомета, им "били жилу".

Среди хирургических инструментов древнерусских резалников были "безбань" или "стрекало" — врачевный нож (от стре-

кати — колоты), "ножицы, ими же кровь поущают" (от ножиць — ножик), "бричь" (бритва) или иначе "стригальник" и др.<sup>12</sup> Инструменты ("уряд", "рудие", "прикута", "снасти", "брищета") содержали в ящичках ("лагалище", "ларець", "ковчежець"), упрощенные изображения которых можно видеть на древнейших иконах Луки, Кузьмы и Демьяна, Анастасии-"целительницы" в фондах Русского музея в Санкт-Петербурге и Третьяковской галереи в Москве<sup>13</sup>.

Понятно, что все эти инструменты не хранились втуне, а использовались резалниками для проведения оперативных методов лечения. Правда, в основном это было то, что сейчас называют малой хирургией — лечение ран и ожогов, удаление зубов, кровопускание и пр. Но резалники проводили и более крупные операции, в их числе были и ампутации, и лечение переломов костей, и даже такие сложные вмешательства, как трепанация черепа. По всей вероятности, в древнерусской медицине шел процесс своеобразной профессионализации хирургии, специализации врачей-хирургов хирургического профиля, использовавших наиболее радикальные методы лечения.

Так, доказано, что древнерусские резалники владели техникой трепанации. Еще в 1893 г. на берегу Днепра при раскопках, относящихся к IX—XII векам, был найден череп с трепанационным отверстием в области лобного бугра: гладкие края и правильные очертания дефекта свидетельствовали, что трепанация производилась с помощью инструментов. В 1949 г. близ славянского города Белая Вежа при раскопках могильника X—XI веков обнаружили череп со следами двух рубленых ран и прижизненной трепанации в наружнобоковом отделе лобной кости. "Раненому прижизненно была произведена трепанация черепа там, где было поражение мозга и где имела потребность в выпускании внутричерепного кровозлияния или отделившегося нагноившейся раны, — отмечал участвовавший в экспертизе специалист по судебной медицине В. А. Гойхман, — ... Это свидетельствует не только о понимании... сущности черепно-мозгового ранения и его последствий, но и о знании... анатомии головы человека ... Хирургическая тактика говорит о большой наблюдательности и высоком знании дела"<sup>14</sup>. Там же был найден еще один череп со следами прижизненной трепанации в передней половине правой теменной кости.

Конечно, наибольшая потребность в хирургической помощи и спрос на лечцов-резалников возникали во время войн. В сборнике XII—XIII веков "Маргарит" перечислены функции врача: искать после сражения "язвенных", поднимать их, поить зелием, "обязывать" язвы, вести до "врачебьницы", неустанно смотреть за ними. Врачи назывались "резалниками", так как им приходилось ножом удалять "ушибенные" части тела<sup>15</sup>.

Кстати, в хирургической практике резалников наряду с оперативными методами лечения видное место занимала и русская баня. Пребывание в паровой (парной) бане было составным элементом лечения таких, например, заболеваний, как кила (грыжа) — ееправляли лишь после банных процедур, или кровопускание, или лечение нарывов и ран.

Культура Древнерусского государства, обогащенная новыми связями, на протяжении нескольких столетий продолжала успешно развиваться. Через Византию, унаследовавшую традиции античной учености, образованности и мудрости, древняя культура попадала на Русь. Немало дали сохранившиеся связи со странами Востока и Северной Европы.

"На заре истории Александрия слала нам свои лекарства, а м(оже)т б(ы)ть и врачей, греки тоже, персы слали врачей, вносивших арабскую медицину, еще м(оже)т б(ы)ть раньше господствовавшую близ Киева, — писал в конце прошлого века историк медицины Л. Ф. Змеев. — Новгород мог заимствовать от Норман"<sup>16</sup>.

Таким образом, можно считать установленным, что медицина и хирургия Древней Руси (VI — начала XIII века), одного из могущественных государств Восточной Европы, была законономерной и важной частью медицины и хирургии средневекового мира. При этом исходным моментом ее формирования стал синтез культурных традиций племен и народов, населявших

<sup>3</sup>Правда русская, или законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономахов. — СПб., 1799. — С. III.

<sup>4</sup>Там же. — С. 34.

<sup>5</sup>Русская правда. — 1934. — С. 10.

<sup>6</sup>Там же. — С. 4.

<sup>7</sup>Там же. — С. 30.

<sup>8</sup>ПСРЛ. — СПб., 1853. — Т. 6. — С. 59.

<sup>9</sup>Загоскин Н. П. Уставные грамоты XIV—XVI вв. — Казань, 1876. — Вып. 2. — С. 53.

<sup>10</sup>ПСРЛ. — СПб., — Т. 2. — С. 190.

<sup>11</sup>ПСРЛ. — СПб., 1862. — Т. 9. — С. 107.

<sup>12</sup>Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. — Т. I. — С. 179, 1337; Т. II. — С. 305, 723; Т. III — С. 548.

<sup>13</sup>Богоявленский Н. А. // Вестн. хир. — 1958. — № 7. — С. 134.

<sup>14</sup>Гойхман В. А. // Вопр. нейрохир. — 1955. — № 2. — С. 59.

<sup>15</sup>Богоявленский Н. А. // Вестн. хир. — 1957. — № 1. — С. 130.

<sup>16</sup>Змеев Л. Ф. Чтение по врачебной истории России. — СПб., 1896. — С. 62.

территорию Древнерусского государства, которое характеризовалось не только территориальной и политической общностью, но и единой, самобытной древнерусской культурой, сложившейся в течение столетий: в ее становлении и развитии большую роль сыграли культурные связи Древней Руси со многими странами Запада и Востока, благотворное влияние достижений мировой культуры.

Все это и обусловило последовательную эволюцию, плодотворное, скорее всего, развитие отечественной медицины и хирургии в мрачные времена средневековья.

Однако после монголо-татарского нашествия целое столетие на Руси было отмечено упадком и застоем. "Сень варваров, омрачив горизонт России, сокрыла от нас Европу в то самое время, — писал Н. М. Карамзин, — когда благодетельные сведения и навыки более и более в ней размножались ... возникли университеты. В сие время Россия, терзаемая монголами, направляла силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть"<sup>17</sup>.

В начале мрачного периода монголо-татарского ига страна была фактически изолирована от стран Европы, культура и наука которых продолжали развиваться. Возрождение русской культуры началось только во 2-й половине XIV века, центр ее сместился на северо-восток.

"В общем развитии культуры средневековой Европы русская культура занимает особое, неповторимое место, — подчеркивается в вышедшей недавно (1992 г.) "Истории Европы". При всей ее самобытности она, однако, постоянно (за исключением нескольких десятилетий после монгольского погрома) была связана с культурой Средиземноморья, Западной Европы, центрально-европейских, славянских стран. В своем развитии она отразила многие общие черты, свойственные духовной жизни средневековья, и основные ступени ее эволюции. По уровню развития культуры домонгольская Русь не уступала другим странам тогдашней Европы (логично предположить, что таково же было положение и с медициной как важнейшей частью культуры — М. М.). И даже после потрясений монголо-татарского нашествия и ига она нашла в себе силы, чтобы снова вступить на путь культурного прогресса и добиться больших успехов во всех сферах духовной жизни"<sup>18</sup>.

Но справедливо замечено, что культура великого народа не может погибнуть в одночасье, она может лишь деформироваться под влиянием тех или иных обстоятельств; к медицине и хирургии это относится в полной мере. И в страшные годы "томления и муки", в мрачный период татаро-монгольского ига культура продолжала все-таки сохраняться; сохранялась и медицина, особенно в православных монастырях Владимиро-Суздальского, Тверского, Московского, Новгородского княжеств, а размещались монастыри в основном в городах и посадах. Так было до середины XIX века.

В конце XIV — начале XVI века на Руси наступила эпоха великого возрождения, которую Д. С. Лихачев (1946 г.) характеризует как период становления единой русской национальной культуры под верховенством Москвы.

Сказалось это и на положении православных монастырей. "Монастыри стали богатеть..., — писал русский историк Д. Иловайский. Число их особенно увеличилось во время монгольского ига — время частых бедствий и разорений, когда монастыри представляли более спокойствия и безопасности, нежели города"<sup>19</sup>.

Интересно, что, по данным российских историков, даже во времена монголо-татарского ига правители Золотой Орды освободили русское духовенство от дани и объявили неприкосновенными их земельные владения<sup>20</sup>. Бесспорно, это во многом помогало монастырям, в том числе, конечно, в устройстве и содержании больниц и "врачевских" палат.

А уже в XIV—XV веках монастыри в России переживали расцвет. В центре и на окраинах появились сотни новых обителей. Конечно, далеко не все они осуществляли "медицинскую миссию", но немало было и таких, которые, примыкая к так называемым осифлянам (одному из направлений церковной мысли: другое направление — так называемые нестяжатели), в монашеской жизни видели ее социальное предназначение, в том числе благотворительность, помощь сирым, убогим, болящим<sup>21</sup>.

Монастыри продолжали оставаться центрами русской культуры, очагами знания, хранилищами разнообразных рукописных книг, в том числе и естественно-научного содержания. Так, по данным Д. С. Лихачева, в обширной монашеской литературе по вопросам исихии (молчаличества), проникшей в XIV и XV веках из Византии, встречались сложные психологические наблюдения, посвященные разбору таких явлений, как восприятие, внимание, разум, чувство и т. д. Трактаты эти различали 3 вида внимания, 3 вида разума, учили о различных видах человеческих чувств, обсуждали вопросы свободы воли и давали тонкий самоанализ. Русский автор Нил Сорский различал 5 периодов развития страсти: "прилог", "сочетание", "сложение", "пленение" и собственно "страсть" и дал каждому из этих периодов подробную характеристику, основанную в значительной мере на конкретном наблюдении<sup>22</sup>.

Православная церковь по-прежнему пользовалась в средневековой России огромным влиянием, которое сказывалось на многих сторонах жизни государства и общества. Особенно важную роль играла она в развитии культуры Древнерусского государства, в том числе в становлении и развитии "научной" медицины, основанной на трудах Гиппократов, Галена и других древних врачей.

О прогрессе медицины средневековой России свидетельствовали записи летописцев, связанные с описаниями моровых поветрий. Так, в 1092 г. описание морового поветрия в Полоцке целиком проникнуто примитивными религиозными представлениями язычества. Летописец передает, что духи умерших невидимые скакали на лошадях по улицам города и поражали язву тех, кто выходил из домов: от этой язвы и умирали люди.

Совсем иной, конкретно-эмпирический характер имеет точное описание в Никоновской летописи симптомов чумы 1364 г.: "А болезнь была такова: прежде (прежде) как рогатиною ударит за лопатку или противу сердца под груди, или промежи крил (т. е. между лопаток) и разболится человек и начнет кровию хракати (харкать) и огонь разбьет и (его), посем пот, потом дрожь иметь и тако в болести полежа внии (некоторые) день еден (один) поболевше умираху, а друзии два дни, а инии 3 дни. Преже же мор, был, кровию врачюче мерли, потом же железю разболевшись, ти тако же, два дни или 3 дни полежаще, умираху, железа же одинако, но иному на шее, иному на стегне (bedre), овому же под скулою, иному же за лопаткою"<sup>23</sup>.

Ясно, речь шла о чуме, летописец давал почти классическое описание этой страшной болезни. Следует подчеркнуть, что дальше в летописи прилежный историк подробно описывал распространение чумы, как бы предугадывая правильное объяснение переносу инфекции.

За скупыми строками летописей и бесстрастными констатациями древних историков открываются судьбы отечественной медицины, живые черты деятельности известных и гораздо чаще безвестных лекарей.

Естественно, что прогресс российской медицины и хирургии был прямо и непосредственно связан с развитием национальной культуры. Монастыри продолжали оставаться не только центрами культуры, но и своеобразными очагами медико-хирургической помощи. По-прежнему действовали больницы. Как сообщает, например, летописный сборник, именуемый "Летопись Авраамки", в Новгороде "в лето 6927 (1418 г. — М. М.)... Априля в 8, в неделю, бысть буря велья с вихром" и в городе от удара молнии начался пожар. Но огонь поразил не все: как подчеркивает летописец, "якоже бо в единому болнице мнозе на одре лежать, да инии от них вставляются, друзии от них различным суды сканьчиваются"<sup>24</sup>.

К сожалению, нам неизвестны имена тех монахов-лекарей, которые, следуя христианской традиции, "безмездно" оказывали медицинскую помощь. Древнерусские историки — авторы дошедших до нас старинных летописей основное внимание уделяли, как мы говорим сейчас, элите общества — великим и удельным князьям, высшим иерархам православной церкви и лишь изредка, чаще всего, когда речь шла о болезни представителей элиты, поминали о деяниях лецтов монастырских, да и мирских тоже, об их медицинской практике.

Впрочем, как свидетельствуют летописцы, к врачеванию были причастны и другие священнослужители, подчас самого высокого ранга. Так, судя по всему, успешно занимался медицинской практикой митрополит Алексий: при князе Дмитрие Донском он, как свидетельствует Степенная книга, "во Орде, царицу Занибекову Тайдулу, слепу и болящу, исцели". О методах его исцеления неизвестно, за исключением того, что "ме-

<sup>17</sup>Рыбаков Б. А. Начальные века русской истории. — М., 1995. — С. 10.

<sup>18</sup>История Европы. — М., 1992. — Т. 2. — С. 742.

<sup>19</sup>Иловайский Д. Краткие очерки русской истории. — М., 1865. — 6-е изд. — С. 75.

<sup>20</sup>Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси. — Новосибирск, 1991. — С. 8.

<sup>21</sup>Там же. — С. 161.

<sup>22</sup>Лихачев Д. С. Культура Руси эпохи образования русского национального государства. — М., 1946. — С. 54.

<sup>23</sup>Там же. — С. 52.

<sup>24</sup>ПСРЛ. — СПб., 1889. — Т. 16. — С. 171.

лебное пение совершив и свещю воска оною, иже сама свеща о себе возжеса, и тамо той свечи возжесе бывши и покропив царицу священной водою, и в том часе прозрела царица"<sup>25</sup>.

На севере России, в устье Северной Двины, в XV веке прославился как "лечець" основатель Сийского монастыря Антоний. Историк В. О. Ключевский называл его "двинским крестьянским холопом"; он был сыном новгородского бедняка и местной крестьянки, получил образование и обучался "иконному письму". Антоний был, как писали очевидцы, "бьяше крепок и мощен телом зело" и много времени отдавал работе в монастырской больнице, которая пользовалась большой популярностью на всем Поморье: "Имеяше Антоний таков обычай, еже в больницу ходити часто и посещати немощнейшую братию и служаще им в нужных потребах, и свитки мяяше своим руками, воду согретья и теплою водою согнившая уды их омывая и смердящая раны обязуя". Занимался он и врачеванием — на рисунках он изображался как "лечець добрый", внимательный ко всякой мелочи: он тщательно расспрашивает больного о начале болезни, о том, как она протекает, в каком месте ощущается боль, прикладывает ухо к телу больного, ощупывает его "долонью", "перстами". В своем завещании Антоний предписывал "всем лечебникам" (т. е. врачам) заботиться о выздоровлении больных так же, как поступал он сам: "яко же сам делаши"<sup>26</sup>.

Да, нельзя не отнестись с уважением, высоко оценить дела многих безвестных монахов-лечцов, деятельность монастырей, которые не только были хранителями медицинской культуры, но и оказывали помощь всем обращающимся. Таких примеров немало.

Во время осады Москвы в 1611 г. в Троице-Сергиевом монастыре строили больницы для раненых. Монастырские люди ездили по селам, дорогам, подбирали раненых: "одни были изломаны, обожжены, у других ремни из хребтов вырезали, волосы с головы содраны, руки и ноги обсечены"<sup>27</sup>. В 1655 г. келарь Иринарх построил своим иждивением в Троицком Калезинском монастыре церковь во имя Алексея Божия человека и при ней больничные кельи<sup>28</sup>. В Соловецком монастыре в XVII веке была "вся братия рядовая и больничная"<sup>29</sup>: в этот и другие монастыри даже в XVII веке помещали и больных, и тяжелораненых.

В церковной летописи "Житие Дионисия преподобного" говорится о том, что в 1605 г. "начаша строити козную монастырскую дому ... и больным людем обреташесе врачеве и целяку многих и даны были болницы на раненых людей"<sup>30</sup>. Известно также, что еще раньше, в начале XVI века, Корнильев мужской монастырь, что в Вологодской епархии, Печерский в Пскове и др. учредили "больницы и богадельни для нищих и странных".

На церковном соборе 1681 г. в 3-м предложении царь Федор Алексеевич указывал, что "в Москве и во всех городах устроены больницы для престарелых и больных монахов". Но в монастырях теперь "больничного строения" нет. Собор решил престарелых и немощных старцев "успокаивать" в больнице. Для больных же нищих предусмотрено построить 2 богадельни<sup>31</sup>.

Правда, в вопросе о перманентно позитивной роли духовенства в оказании медицинской помощи существовали различные точки зрения. Еще в начале XIX века российский историк медицины В. М. Рихтер писал, что даже в XIV столетии "врачебная практика также производима была по большей части несведущим духовенством"<sup>32</sup>. А историк медицины Н. Я. Новомбергский уже в начале XX века утверждал: "Что касается монахов-

врачевателей в частности, то они предпочитали молитву, святую воду со крестов и мошей всяким другим целебным средствам"<sup>33</sup>.

Действительно, не всегда из монастырей исходила поддержка мерам властей, предпринимавшимся для охраны народного здоровья. Так, сохранилось написанное в самом начале XVI века послание старца Филофея из Псковского Елезарова монастыря, направленное дьяку Михаилу Мунехину против мер, употребляемых во время морового поветрия (в Пскове оно было в 1521 г.). В этом послании старец Филофей осуждал, "якоже вы ныне пути заграждаете, домы печатлеете, попом запрещаете к болящим приходити, мертвых телеса из града далече измешети". Все это старец именовал "неразумием", "поганым поношением", "поруганием". Поскольку, считал он, "сия злоба" происходит не "от человек", а от Бога, то противиться этому нельзя<sup>34</sup>.

Что же, вполне возможно, что все это имело место. Дело лишь в масштабе явлений, а исключение всегда подтверждает правило.

Думаю, что вряд ли все-таки можно согласиться с утверждениями, что врачебную практику доверяли "по большей части несведущему духовенству" — как свидетельствуют факты, в средневековой России, да и позднее тоже, монахи-лекари были наиболее образованными, компетентными в медицинской профессии. Трудно утверждать и то, что молитву и святую воду монахи-врачеватели применяли вместо целебных средств — скорее не "вместо", а "наряду", причем это дополняло лечение, оказываясь хорошим психотерапевтическим средством.

Например, как свидетельствуют исторические документы — акты Ферапонтова и Кирилло-Белозерского монастырей, патриарх Никон во время 15 лет заточения занимался в числе других дел и лечением больных. И, вероятно, он пользовал их очень успешно, потому что за советами и лекарствами народ собирался "перед кельею" его толпами и особенно женского пола<sup>35</sup>.

В общем, монахов-лечцов средневековой России можно назвать, придерживаясь современной классификации, прежде всего врачами терапевтами и психотерапевтами. В то же время именно они, владея методами, унаследованными от своих византийских собратьев или позаимствованными из старинных рукописей, исцеляли раны, язвы, переломы костей и другую, как мы говорим сейчас, хирургическую патологию, т. е. были еще и врачами-хирургами, оказывали (наряду с мирскими лечцами-резальниками) хирургическую помощь.

По-иному обстояло дело в западно-русских княжествах (Галицкое, Волыньское и др.), которые вошли тогда в состав Польши. Здесь уже с конца XIV века в городах возникли цехи цирюльников, которые, как и повсюду тогда в Европе, получили монопольное право заниматься хирургией. И хотя появились здесь и дипломированные врачи — воспитанники славившихся тогда в Польше Ягеллонского университета в Кракове и Замойской академии, находившейся в городе Замостье, около Львова, все же основную роль в хирургии все еще играли цирюльники: их профессиональные объединения (цехи) продолжали существовать на Украине вплоть до конца XVIII века. Это подтверждает сохранившийся в архивах устав киевских цирюльников, относящийся к 1769 г.; в нем указывается, что "оное мастерство цылюрничное имеет состоять в том: брить, кровь жильную и зашкурную пускать, раны гоить рубаные и стреляные, а особливо в вырывании зуба и в излечении французской и шолудней болезней, в поставке пластов и в шлифовании бритов"<sup>36</sup>.

Таким образом, в круг "медицинских" обязанностей цирюльников, практиковавших на Украине, входило и лечение считавшихся тогда хирургическими кожных и наружных болезней. Стоит добавить, что обучение в цехе украинских цирюльников (по методу ремесленного ученичества) продолжалось целых 6 лет — почти как в современном медицинском университете.

Поступила 14.06.00

<sup>25</sup>ПСРЛ. — СПб. — Т. 21. — Ч. 2. — С. 344.

<sup>26</sup>Богоявленский Н. А. Медицина у первоселов русского Севера. — Л., 1966. — С. 102—104.

<sup>27</sup>Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — 1893. — Т. II. — С. 1007.

<sup>28</sup>О общественном призрении в России. — СПб., 1818. — Ч. I. — С. 30.

<sup>29</sup>Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — 1893. — Т. III. — С. 289.

<sup>30</sup>О общественном призрении в России. — СПб., 1818. — Ч. I. — С. 16.

<sup>31</sup>Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — 1893. — Т. III. — С. 870—872.

<sup>32</sup>Рихтер В. М. История медицины в России. — М., 1814. — Ч. I. — С. 9.

<sup>33</sup>Новомбергский Н. Я. Черты врачебной практики в Московской Руси. — СПб., 1904. — С. 26.

<sup>34</sup>Дополнения к актам историческим. — СПб., 1846. — Т. I. — С. 20.

<sup>35</sup>Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских. — М., 1858. — Кн. 3. — С. 145.

<sup>36</sup>Верхратский С. А. Новый хирургический архив. — 1957. — № 5. — С. 18.